

ГЛАВА 11. ЦАО ХУАНЬ

После случая с У Лиши Чан Я и Цэнь Сяолу под руководством Чан Фуляня приняли ещё троих просителей. Работали они на редкость слаженно, и Чан Я в глубине души окончательно признал Сяолу своим, частью семьи. Чтобы проверить успехи учеников, лекарь Чан велел обоим составить заключительный свиток с советами для исцеления души — для юноши по имени Цао Хуань. Эта работа наглядно обнажила разницу в их характерах.

При первой встрече Цэнь Сяолу показался Чан Я существом острым и колючим; он был уверен, что с таким человеком будет непросто сблизиться. Свежи ещё были воспоминания о том, как Сяолу чуть не придушил его в бреду — это лишь укрепляло веру в непредсказуемость гостя. То, как ловко Цэнь Сяолу обхаживал дедушку, тоже поначалу вызывало у Чан Я неприязнь. Однако, вопреки ожиданиям, тот влился в их жизнь удивительно быстро. Он повсюду следовал за Чан Я, безукоризненно выполнял ежедневные уроки, запоминал каждое слово наставника и даже взял на себя большую часть домашней работы. Для него это стало настоящим облегчением: по крайней мере, теперь было кому помочь дотащить из города тяжелые мешки с рисом или мукой.

Пролетел ещё месяц с тех пор, как раны Цэнь Сяолу окончательно затянулись. За это время они приняли четверых просителей. Сяолу, наблюдая за процессом, во многом разобрался и досконально изучил все этапы диагностики призыва духа. Чан Я, привыкший плыть по течению, внезапно почувствовал укол тревоги: «Раз уж Сяолу так хорош, дедушка скоро начнёт ценить его больше меня. А если вспомнить мои первые шаги, когда всё валилось из рук... Нет, так не пойдёт, нужно поднажать!»

Петухи ещё не пропели, небо даже не начало сереть, когда до ушей Цэнь Сяолу, затягивавшего пояс на халате, донеслось прерывистое бормотание. Он поправил пояс, взял масляную лампу и тихо вышел, собираясь заняться привычными утренними делами: протереть Динцюэ, проверить всё ли в порядке, натаскать дров, согреть воду и сварить рисовую кашу... Проходя мимо комнаты Чан Я, он заметил слабый огонёк свечи, пробивавшийся сквозь щель в двери. Выйдя во двор и заглянув в открытое окно, Сяолу увидел Чан Я: тот сидел, подперев щеку ладонью и уставившись в книгу. Он то и дело клевал носом, а веки слипались.

«Надо же, сегодня встал ни свет ни заря», — удивился Сяолу. Под ногой как раз подвернулся стеклянный шарик — Чан Я купил целую пригоршню таких в городке Сяшуй, и один, видимо, потерял. Сяолу поднял его, прикинул силу броска и щелчком отправил в раскрытое окно.

— Кто здесь?! — Чан Я подпрыгнул на месте.

Шарик с гулким стуком приземлился прямо на разворот книги, мигом прогнав остатки сна. Юноша озирался по сторонам, но виновника переполоха и след простыл.

Вскоре на горизонте забрезжил рассвет. Чан Я чувствовал небывалый подъём: раннее пробуждение всё же дало плоды — он успел повторить утренние уроки почти полностью. И неважно, что большая часть успеха пришлась на те немногие мгновения, когда он

окончательно проснулся от испуга.

Когда Чан Я закончил приводить себя в порядок, Сяолу уже ловко расставил завтрак на столе.

— Повторил урок? — Сяолу бросил на него короткий взгляд. — Садись есть.

— Угу, — Чан Я сиял от уверенности.

Бросив короткое: «Я позову дедушку», он вприпрыжку умчался к комнате наставника. Сяолу лишь молча усмехнулся, глядя на его ликующий вид.

После завтрака Чан Фулянь позвал обоих к себе и вернул им заключительные рецепты для исцеления души.

— Я сделал пометки. Исправьте ошибки и принесите мне снова.

— Спасибо, дедушка.

— Благодарю, учитель.

— Я-эр, — обратился старик к внуку, — ты слишком добр. Во всём стараешься видеть только хорошее. Запомни: никогда не приноси себя в жертву ради других до такой степени, чтобы потерять собственное «я». Ты не можешь вечно прятаться под моим крылом. Когда-нибудь тебе придётся встать во главе дела.

— Слушаюсь, дедушка.

Чан Я не до конца понял смысл этих слов. «Разве быть добрым — это плохо?» — подумал он, но знал одно: он хочет стать таким же великим лекарем, призывающим дух, как дедушка, и будет стараться изо всех сил.

Чан Фулянь повернулся к Сяолу:

— Сяолу, твоя природа такова, что соперничество даётся тебе с трудом. В этом вы с Я-эром противоположны. Надеюсь, вы станете опорой друг другу. И помни: не будь самонадеянным и не упрямствуй.

— Я запомню, — почтительно поклонился Сяолу, сложив руки.

— Идите.

Вернувшись к столу, Чан Я принялся внимательно изучать дедушкины правки. Сяолу же отложил свой заключительный свиток с советами для исцеления души в сторону и открыл книгу, продолжая вчерашнее чтение.

Чан Я, не выдержав его невозмутимости, спросил:

— Тебе совсем не интересно, что там дедушка написал?

— Сначала закончу ежедневный урок, а исправлением займусь позже, — спокойно ответил Сяолу.

В душе Чан Я всколыхнулось самодовольство:

— А я с уроком уже почти покончил. Сейчас исправлю ошибки и просто ещё раз закреплю материал.

— Учитель вчера предупреждал: сегодня проверка будет особенно строгой, — невозмутимо заметил Сяолу.

— Пустяки, я справлюсь, — уверенно отмахнулся Чан Я. — А ты читай внимательнее, дедушкина розга бьёт больно.

«Уж мне ли не знать», — хмыкнул про себя Сяолу.

Разбирая замечания, Чан Я нахмурился и решил обсудить свои сомнения:

— Слушай, я понимаю, почему госпожа Цао так жаждет, чтобы её сын выбился в люди. Цао Хуань зажат в тиски. На его месте я бы тоже не чувствовал себя счастливым. Дедушкины уроки с каждым днём всё сложнее, у меня голова кругом идёт, а у Цао Хуаня она, должно быть, просто взрывается. Но с другой стороны, мне так жаль госпожу Цао. Сын — её единственная опора. Если бы он только понимал, как ей тяжело, он бы не вёл себя так безрассудно.

Прошлым просителем был юноша по имени Цао Хуань, а письмо с запросом на призыв духа написала его мать. Семья их считалась богатой даже по меркам городка Сяшуй — огромная усадьба за высокими стенами. Вот только главой дома был не отец юноши, а его дядя. Когда-то делами заправлял отец, но вскоре после рождения сына он заболел неизлечимым недугом и скончался. Власть перешла к младшему брату, который крепко держал бразды правления все эти годы.

Мать Цао Хуаня была верна памяти мужа. Родители хотели забрать её обратно в отчий дом, но она наотрез отказалась: она хотела беречь этот дом и растить сына.

Поначалу в поместье Цао царил мир. Деверь был человеком не слишком выдающимся, но старательным, и госпожа Цао, разбиравшаяся в делах и счетах, во всём ему помогала. Но стоило в дом войти новой невестке — Се-ши, — как всё изменилось.

Се-ши оказалась особой властной. С первого дня она повела себя как истинная хозяйка, ни во что не ставя госпожу Цао. Она планомерно выживала вдову, отняла у неё право управлять хозяйством и ловко плела интриги, выставляя себя невинной жертвой. Вскоре ни свекровь, ни Цао Ди больше не доверяли госпоже Цао. Ей оставалось лишь терпеть ради сына.

Цао Хуань об этом не знал — мать оберегала его слишком рьяно. Для него он оставался старшим молодым господином, которого баловала бабушка и заваливала сладостями тётя. Вот только мать была с ним непомерно строга.

Она хотела, чтобы сын стал копией покойного мужа — благородным, красноречивым и достойным. Пока другие дети играли, Цао Хуань должен был трижды переписывать уроки и зазубривать стихи до тошноты. Мать контролировала каждую минуту его жизни.

Мальчик начал избегать её, прячась у бабушки или тёти Се, но за это его ждала розга и наказание перед поминальной табличкой отца. В конце концов он перестал сопротивляться. Он стал тем, кем хотела его видеть мать: послушной тенью, лишённой воли. Он делал всё, что велено, но перестал разговаривать с ней и совсем затух.

Первой неладное заподозрила старая госпожа. Она увидела, как внук в припадке безумия рвёт книги, а за ужином его начало тошнить от каждого куска. Решив, что ребёнок просто переутомился, бабушка отчитала невестку и забрала мальчика к себе. Но и там ему не стало лучше. Лекарства не помогали, и госпожа Цао, в отчаянии, обратилась к лекарям, призывающим дух.

— Никто не может чувствовать чужую боль как свою, — ответил Сяолу. — У Цао Хуаня нет глаз, способных видеть сердца. Он не знает о страданиях матери, не видит коварства тёти. Как можно требовать от него идеальности?

Чан Я кивнул:

— Верно. Но будь я на его месте, я бы не молчал. Они с матерью просто не говорят друг с другом, отсюда и все беды.

— А ты уверен, что он не пытался? — возразил Сяолу. — Мать жалуется, что он избегает её. Но разве это не крик о помощи? Своим поведением он ясно даёт понять, как ненавидит её опеку.

Чан Я прикусил губу.

— Как же всё сложно! — простонал он, запуская пальцы в волосы и мучительно перекраивая свой заключительный свиток с советами для исцеления души.

«Чан Я, далеко не всё можно просто взять и высказать вслух», — мысленно добавил Сяолу.

— А-а-а!

Сяолу вздрогнул от душераздирающего вопля.

— Что случилось? — он отложил кисть.

— Времени нет! — Чан Я в ужасе рвал на себе волосы. — Я слишком долго возился с этим заключительным свитком с советами для исцеления души! Я не успею повторить книгу!

—...

— Моя память будто испарилась! В голове пустота, я ничего не помню! Всё, мне конец, дедушка меня приберёт!

— Я тоже прочитал книгу всего один раз, — спокойно произнёс Сяолу.

— Ты... — Чан Я глянул на него и оцепенел. Тот не спеша обдувал лист бумаги, суша чернила.
— Ты уже всё выучил и даже исправил заключительный свиток с советами для исцеления души?!

— Да.

Чан Я сжал кулаки, готовый разрыдаться от собственной глупости. Встал ни свет ни заря, а в итоге всё псу под хвост.

Сяолу свернул свиток и поднялся, бросив через плечо:

— Не бойся. Если не сможешь ответить — я помогу.

Чан Я шмыгнул носом, едва не расплакавшись от избытка чувств. «Неужели это и есть та самая братская связь?» — подумал он. Правда, он тут же засомневался: как именно Сяолу собирается помогать ему прямо под носом у дедушки?

<http://bllate.org/book/17545/1710616>